

Глава 9. Разрушая основы.

***

14-е сутки после Точки Ноль / Спустя 91 день после событий на стадионе «Гнездо»

Город Портленд, Штат Орегон. Школа для немых и слабослышащих

После событий в больнице с раненой медсестрой я еще дважды почти нос к носу сталкивался с командами других пользователей браслетов. В первом случае ушел тихо, никого не трогая. Удалось также подлечить всех пациентов на первом этаже. Во втором попались куда более опытные бойцы, поставившие двухэтапную ловушку.

Одна команда установила простую механическую ловушку на двери. Дождавшись ее срабатывания от звука колокольчика, они вынудили меня отступить туда, где пряталась вторая команда. Станер заглушило вспыхнувшее поле подавления. Отключился тихий стелс, режим костюма, но дроны работали. Значит, у противника только две модификации на мощность подавления. Включив режим контрподавления у своего дрона, выдал синхронный залп из трех пульсаров, установленных в дополнительные слоты Помощника. Ударная волна откинула двух человек в тяжелой броне, прикрывшихся дроном-щитоносцем. Второй залп нейтрализовал первую группу, бежавшую ко мне со спины. Спасло то, что нападавшие хотели взять меня живым и по возможности невредимым. Это было прошлой ночью. Я решил больше не заниматься благотворительной деятельностью в Лос-Анджелесе. Слишком велик был риск попасть в засаду.

Расстроенный, вернулся домой ночью и начал разрабатывать очередной тоннель с отработанным топливом, поставив еще пять расщепителей с парой модификаций в каждом. Теперь, даже если буду отсутствовать двое суток подряд, меня будет поджидать солидная партия картриджей на продажу.

Под утро вернулся в город и через интернет нашел место, где требовалось лечение чем-то более продвинутым, чем современная медицина. Школа для немых и слабослышащих в Портленде, штат Орегон. До них меньше часу пути на аэрокаре.

Спустя два часа я пришел сразу после начала уроков прямо в школу. Дрон-подавитель биологической активности надежно вырубил целый класс даже на минимальном уровне мощности. А дальше последовала стандартная процедура из анестезии, диагностики и быстрого лечения. Объем вмешательства был минимален, поэтому управлялся буквально за минуты. Спустя три часа я закончил вообще со всеми в этом учебном заведении, задержавшись в классе для первоклашек. У одного мальчика на руке была сделана надпись маркером: «Дорогой Сиятельный, если ты Санта и решишь меня вылечить, то, пожалуйста, не забудь о моих маме и папе....» И дальше адрес, где живет это сообразительное чадо. Внизу уже вовсю шумели копы, приехавшие на сигнал о подозрительной активности в школе.

Спустя полчаса в городе стало на еще двух глухонемых меньше. Доброта спасет мир! В доме родителей сообразительного мальчика меня привлек включенный компьютер. На экране была видна подборка информации по обнародованию дела о Генри Эддридже и его деятельности в Лос-Анджелесе. Родители первоклашки собирали информацию по Сиятельному. Генри судили в прямом эфире! Верховный суд Нью-Йорка рассматривал его дело о незаконной медицинской практике и связи с Сиятельным. Семнадцать миллионов зрителей наблюдали за этим эфиром. Семнадцать, Генри! Завтра ты проснешься знаменитым. Судя по заметкам, сделанным хозяйкой дома в тетрадке, Генри пошел на сотрудничество со следствием и передал им

информацию, которую собирал последнюю пару месяцев. Самих комментариев под видео столько, что оно вполне может войти в Книгу рекордов Гиннеса как самое комментируемое. Гипотезы научного отдела, достоверно известные факты, имена пациентов, количество людей по каждому городу и штату, объем переработанного мусора, число сотрудников и сумма налоговых отчислений. Суд превратился в рекламную кампанию Генри Элдриджа, загорелого сорокасемилетнего мультимиллионера, предоставлявшего бесплатно уникальную технологию лечения тысячам людей. Единственное, от чего отказывался обвиняемый, это от лавр Сиятельного и того, что это он сам обладает этими удивительными технологиями. Одно плохо: в связи с возбуждением уголовного дела его сняли с роли кандидата на должность сенатора от штата Вашингтон. Он проиграл гонку, которую почти выиграл.

Следующие четверо суток я летал по всем штатам, посетив в общей сложности семь больниц и шесть спецшкол. Хоспис — это не самое страшное, что меня ждало. В нем хотя бы взрослые люди, знающие о своей незавидной участи. Я же решил посетить те лечебные учреждения, где находились дети с врожденными проблемами. Сердце разрывалось от такой несправедливости. Можно сказать, что это была вылазка за детским счастьем.

Пока шел суд над Генри, я летал по стране, посещая больницы, в которых меня точно никто поджидать бы не стал. На двенадцатый день я понял, что посетил каждый из пятидесяти четырех штатов. Тысячу спящих агентов наконец набрал, но «специального» расширения так и не получил. Вообще никаких изменений в работе браслета.

Пятнадцатого октября я вернулся домой на семейный ужин в день рождения отца. Праздновали с размахом, пригласив всех знакомых из общины сирийцев и соседей по улице. Отец с улыбкой на лице поднимал тост за тостом, рассказывая, что у него сегодня два дня рождения. Второй — из-за его победы над раком. Люди пили, танцевали, хлопали в ладоши. Радость и веселье посетили наш дом после затяжного затишья. Пока родители общались с гостями, я думал, как там сейчас миссис Крид. В ее доме без мужа и сына сейчас совсем холодно и одиноко.

Незаметно покинув праздник жизни, полетел к дому миссис Крид в город Квартцзит. Несмотря на поздний вечер и неожиданный визит, она открыла сразу. В доме, как я и думал, свет горел только в гостиной.

— Адрок?

— Знаю, насколько странно и неожиданно это звучит, но я хочу пригласить вас на день рождения моего отца. Он пережил ремиссию рака на четвертой стадии.

— Ох! — Она прикрыла рот ладошкой. — Молодой человек! Благодарю за заботу и понимаю ваши благие намерения, но мы с вашими... но я с вашими родителями совсем не знакома.

— Я никогда не рассказывал этого Ричарду, но я был не единственным ребенком в семье. Нас было даже не двое. Мои родители понимают, что вы сейчас чувствуете. Они пережили почти то же самое, что и вы. Поэтому я буду настаивать на своем предложении.

Последние слова тронули ее сердце.

— Адрок...

— Если согласны, надо отправляться прямо сейчас.

— Но у меня нет подарка.

— Вы мой гость. Этого достаточно.

Есть такой особый вздох, которым женщины обозначают сдачу обороны в житейских вопросах.

— Подождите пятнадцать минут в гостиной. Мне надо привести себя в порядок.

Я вызвал такси прямо к дому. Когда она вышла, я был уже у машины. В этот момент я попросил дрона вколоть ей снотворное и аккуратно поймал падающее тело. Водителя отправил обратно, сказав, что сам справлюсь. Кое-как дотащив миссис Крид до аэрокара, спрятанного на ее заднем дворе, полетел домой. Авантюра! Нереально! Бред! Она же все поймет. Чем больше я думал о поступке в таком ключе, тем сильнее улыбался. Пусть будет так. Главное, чтобы ей стало хоть немного легче.

Уже в Сан-Франциско я с миссис Крид пересел на такси и довез до дома. В паре домов от нашего я попросил водителя помочь привести даму в чувство. Она рефлекторно прикоснулась к шее, где дрон сделал укол. Посмотрела на меня.

— Что все это значит?

— Мы приехали. Вам стало плохо. Я попросил водителя усадить вас на заднее сиденье. Может, стресс? Видите дом впереди, где куча народу? Нам туда.

— Вы мне что-то вкололи?

— Я шел впереди вас, мэм. И зачем мне все это? Стоп. Почему я вообще оправдываюсь?

— Но...

— Идемте! Праздник в самом разгаре.

Она вышла из машины, поправила одежду и заметила грязь на каблуках. Да, мне не хватило сил ее поднять.

— Зря я согласилась. — Она стояла на месте, поправляя одежду. — Я буду лишней на дне рождения ваших родителей.

— Может быть. Но вы уже здесь. Идемте, я познакомлю вас с отцом.

Флоре Крид после знакомства с родителями пришлось перезнакомиться еще с полусотней гостей, потому что у сирийцев не принято быть зажатыми на праздниках. Тут все должны знать друг друга, а подобные встречи — идеальные места для знакомств. Ей часто задавали неудобные вопросы о том, почему она одна на этом празднике. После ответа «из-за смерти мужа на стадионе», ей, как правило, отвечали, что понимают ее. Тут почти у всех большие семьи, и кто-то из близких погиб. Они знают, каково это — испытать чувство утраты. Я соврал, что был не единственным ребенком в семье. Ей надо было пообщаться с людьми и понять, что и другие люди тоже кого-то теряли и живут дальше. Она не одна такая, но прямо сейчас ее некому поддержать. Поэтому я привел ее в дом родителей.

Когда цепочка знакомств закончилась, я отвел ее в сторону и рассказал о своем вранье. Она тихо поплакала, но уходить не стала. Тут ей сейчас оказали больше моральной поддержки, чем за последнюю пару месяцев. Еще раз познакомив лично миссис Крид со своими родителями, я попросил маму иногда приглашать Флору к ним на ужин. Отойдя в сторонку, рассказал ей о Ричарде и его отце. Мама согласилась.

Саму миссис Крид я отправил домой с первой волной гостей, собравшихся домой. Поехав с ней до пекарни рядом с Монастырем Ангелов, специально познакомил ее с Луизой. Флора сильно устала после столь долгого общения.

Нынешняя встреча была самой важной за сегодняшний вечер.

— Миссис Крид! Ау, миссис Крид! Не засыпайте. Вы и так много времен спали, пока мы ехали на день рождения. Сейчас очень важная встреча.

— Да... да, я слушаю.

Я указал рукой на хозяйку пекарни.

— Это моя хорошая знакомая Луиза Талита-Кум. Она пережила то же, что и вы. Смерть мужа и потерю сына.

— Адрок! — Старуха запустила в меня полотенцем. Таби почему-то хихикнула, и это было первое проявление голоса, что я от нее слышал за сегодня.

Луиза смотрела на меня непонимающе. Однако ей, как и любой женщине, стало любопытно, что будет дальше.

— Я очень прошу вас обеих поддерживать общение. Луиза уже пережила то, с чем вам еще предстоит столкнуться. Она умеет объяснять. Говорить то, что другие не могут объяснить словами.

Флора снова начала плакать. Луиза сразу спохватилась.

— Пошел отсюда, противный мальчишка! Таби, выгони отсюда этого неотесанного чурбана! И чтоб не появлялся тут до завтрашнего дня.

Затем обернулась к Флоре.

— Ну-ну, милочка, слезы — это хорошо. Значит, любила ты их сильно. Наверное, и муж у тебя хороший был...

Снова обернулась ко мне.

— Ты еще здесь? Живо выметайся отсюда!

Из пекарни я выходил крайне довольным собой. Судьба — странная штука. До этого момента я не знал, как помочь матери Ричарда. Как не знал и способа, которым бы упертая Луиза смогла бы отплатить мне за вернувшееся зрение. Она настаивала на этом. В общем, судьба.

***

25-е сутки после Точки Ноль / Спустя 102 дня после событий на стадионе «Гнездо»

Город Сиэтл, дом семейства Элдридж

На заднем дворе глава семейства общался с сыном, вступившим в самый пик периода бунтарской юности. Последние два года, живя отдельно от отца, Уильям начал пробовать заново грани дозволенных ему поступков. Он разбил подаренную отцом машину, начал хамить матери, постоянно просил денег на гулянки с компанией, которая вытягивала из него все до

последнего цента. Типичный пример шестнадцатилетнего подростка из обеспеченной семьи, росшего почти все детство без отца. Сара Элдридж тихо, по-женски прикрыла рот ладошкой, глядя, как ее бывший муж общается с сыном. В такие моменты матери хочется что-то сказать, но она сама понимает, что надо подождать.

Генри усадил сына за столик у бассейна. Оба пили сок, не смея братья за пиво в присутствии матери.

— Плохое познается в сравнении, сын. Набить морду малолетке, который младше тебя, это, по-твоему, плохой поступок? Ты тешишь свое формирующееся эго, Уил. Хамишь маме, потому что она не может ответить. Тратишь деньги, которых не зарабатываешь. Молодец! Так держать.

— И что? Тебя не было два года. Когда мама плакала, тебя не было. Когда ты был, она тоже плакала. Знаешь что?! Я сам начал зарабатывать деньги!

— Ты про ту мелочь, которой оплачиваешь подписку на Xbox?

Парень промолчал.

— Давай! Говори! Я же тебе больше не указ. Как ты там сказал вчера маме? «Мне больше никто не указ! Я сам о себе позабочусь»? Молодец, Уил, ты стал совсем взрослым.

Зная обо всех переживаниях, которые крутились в голове сына, Генри намеренно его провоцировал. Уильям, тот мальчик Уил, который шесть лет назад впервые увидел отца в инвалидной коляске, никогда не признает авторитета отца, который сейчас здоров и сидит перед ним. Согласиться с этим — значит признать себя его сыном, свое неправильное поведение, плохое окружение и непозволительное общение с матерью.

— Ты же взрослый, Уил. Даже не Уил, а Уильям Элдридж... уже переспавший минимум с тремя девушками. Ты чего отворачиваешься? Думаешь, мать не знает о том, где и с кем ты спишь?!

— Не лезь в мою жизнь! Ты, старый инвалид!

Генри улыбнулся и нагнулся поближе к сыну. Горькие слова он пропустил мимо ушей.

— Ага. Стало страшно! Помнишь Барби? Напомню, Барбара Милтон, семнадцать лет, выпускной класс. Ее родители показали твое маме интереснейшее видео, заснятое камерой в их доме. Ты и двое других парней...

— Иди к черту! Я не хочу этого слышать!

Уильям вскочил с места и попытался уйти. Генри схватил его за запястья и, глядя на трепыхания сына в попытке сбежать, начал смеяться.

— И это все? Только на это хватило твоей взрослости, сын?

— Пусти! Отпусти меня!

— О да! Тебя ждет веселое будущее. Она залетела. Ваша Барби залетела! Ха-ха-ха.

— Это не я! Это был не я!

Глядя, как муж подтрунивает над сыном, Сара отвернулась, не в силах сдержать предательские слезы. Генри, отсмеявшись, усадил сына на стул.

— Втроем! Уил, втроем?! — Отец едва сдерживал рвущийся наружу смех.

— Это... это была идея Харви Лански. Он предложил напоить ее...

— Втроем, Уил! — Генри расхохотался. — О боже! Я, наверное, в следующий раз умру от смеха. У меня уже живот болит. Сейчас проводят тест на отцовство. До конца недели один из вашей троицы станет отцом. Ну как, Уил, готов познать все радости отцовства?

— Что? — Уильям на секунду замер. — Нет-нет, я не готов...

Парень вытер вспотевшие ладони о штанины. Но Генри его никуда не отпускал.

— Да ладно! Познаешь все прелести того, что зовется взрослой жизнью. Жена, и я хочу заметить — жена по залету, будет гонять тебя в магазин за мороженым со вкусом рыбы, потому что при беременности им какую только дичь не хочется. Потом слушать крики ребенка по ночам, который не то описался, не то голоден или хочет внимания. Он сам не будет знать, чего хочет, а ты будешь пытаться ему угодить. Научись спать в автобусе, на переменах между уроками, молиться о свободном времени и с грустью вспоминать, что такое воскресный футбол с парнями. А еще работа! Надо будет пахать, чтобы банально прокормить себя, жену, ребенка, а питание для них ох как дорого! Еще твоей семье нужны жилье, одежда. Платить за телефон, интернет. От Xbox придется отказаться. На него не будет ни времени, ни денег. Эх! Вот она, взрослая жизнь!

— Пап, я не хотел!

— Да ладно?! Ты чего папкаешь теперь? Присунул, теперь отвечай за поступки. Это и есть взрослая жизнь, Уил. Ах да! Ты уже у нас теперь взрослый. Ты у нас теперь Уильям Элдридж, отец и будущий муж. Кормилец, глава семьи. Из тебя получится отличный отец!

— Ну хватит, пап. И так страшно! Ты только маме не говори.

Тут Генри не выдержал и заржал в голос. Уильям от стыда спрятал лицо в ладонях. Он корил себя за последнюю фразу. Мама уже знала.

— Ладно, пошли в дом, сын. Если ужин остынет, мне здорово достанется от твоей матери.

— Пап. — Уильям посмотрел на Генри тем самым взглядом, каким взрослеющие сыновья просят отцов о помощи.

— Не дрейфь, сын! Что-нибудь придумаем. И не вздумай больше хамить матери! Еще один прокол — и пойдешь учиться в военный колледж.

Ужин прошел в тихой семейной обстановке, прерываемой постоянными звонками Генри. Не считая постоянных вызовов на слушание, он старался проводить все свободное время у жены и детей, а не в своей резиденции. Охрана по периметру дома и квартала теперь на постоянной основе защищала самое ценное в его жизни. Семью!

После того, как сын и дочь Анни поднялись в свои комнаты, Генри остался с женой в гостиной. Супруги включили телевизор, по которому как раз показывали последнее слушание по делу Сиятельного. Генри молчал, а Сара не спрашивала. Такие тихие вечера были нормой до того, как он сел в инвалидное кресло и сдерживаемый характер дракона-тирана обрушился на всю семью.

Сара уловила то знакомое молчание, какое она помнила до травмы.

— В последний раз ты так молчал, когда собирался ехать на свою последнюю войну.

— Она не последняя.

— Что тебя гложет? Мог сказать Уильяму, что мы уже закрыли вопрос с семьей Милтонов. Рано нашему мальчику становиться отцом.

Генри невольно отвлекся от мыслей. Не вставая с дивана, поцеловал женушку в макушку.

— Он молодой парень, Сара. Дай мне возможность воспитать в нем мужчину, который отвечает за свои поступки. Поволнуется пару суток, поварится в собственных переживаниях, тогда и скажем.

— Тогда что тебя беспокоит? С деньгами проблем нет. С Анни я пока сама справляюсь. Твое появление в доме и образ мужчины были весьма своевременны. Нам... мне этого не хватало.

Генри еще раз чмокнул женушку в макушку.

— Какая ты у меня умная. Эх, надо было жениться на тебе лет на пять пораньше. Может, тогда и в армию бы не пошел.

— Не прячься от меня, Генри. Что-то случилось?

— Все хорошо, милая. С этим делом я должен разобраться сам.

В некоторых делах принятие окончательного решения похоже на гражданскую войну с самим собой. Какое бы решение ты ни принял, все равно будешь сожалеть о сделанном выборе. Попытка спрятаться за мелкими житейскими проблемами ничего не меняла. Генри понимал это как никто другой.

Есть дела настолько великие, начав которые, ты перестаешь принадлежать самому себе. Твоя жизнь становится частью чего-то большего, чем отдельно взятая личность. Генри уже сделал свой выбор. Вопрос в том, что ждет его в будущем?

***

26-е сутки после Точки Ноль / Спустя 103 дня после событий на стадионе «Гнездо»

Пригород города Рибницы, Словения (Центральная Европа). База частной охранной фирмы «Бескровные»

Вернувшись из пункта связи, Лукас Пейдж не мог проронить ни слова. Да, их надежно спрятали в Словении, которая, как и Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия и Македония, не имела договора с США об экстрадиции. ЧВК «Четвертые Врата» имела здесь репутацию тех, кто поддерживает мир и порядок. Семьи парней были надежно спрятаны от потенциального противника, пока новые частные войска Генри Элдриджа восстанавливали форму.

Майор качал головой, шепча под нос что-то неразборчивое. На улице середина октября, температура едва дотягивала до плюс пятнадцати, а он вышел наружу, чувствуя удущье после услышанного приказа. Видя нехарактерное для командира поведение, Джон Хейтен покинул тренировочную площадку. Задача санитара— поддерживать здоровье всего состава.

— Сэр, с вами все в порядке?

Хейтен подошел к майору, но тот ушел в свои мысли.

— Майор, сэр, с вами все в порядке?

— Это все неправильно... Так нельзя.

— Сэр?

— Хейтен? Да, ты был одним из первых. Скажи, ты замечал за собой нехарактерное для тебя поведение? Поступки, которые бы ты раньше никогда не совершил, старый ты, до лечения?

— Не припомню. Санитаров учат быть оптимистами и в то же время циниками на поле боя. Нам сложно сказать наверняка. Может, стал добрее или более открытым для мира. Но посмотрите вокруг, сэр! Я хожу на своих ногах, занимаюсь работой, которой живу, в компании людей, которые верят...

Тут Хейтен изменился в лице, и майор это заметил.

— Проняло?

— До дрожи. Что за чертовщина, сэр?

— Наш наниматель назвал это идейным заражением. Сиятельный, делая из человека агента, передает ему Очко сущности, тем самым заражая своим мировоззрением. Желание помочь стольким, скольким сможешь. Чертовщина какая-то. Но он сам не знал, что, иницируя из нас агентов, делает нас... такими. Это неправильно. Так нельзя. Парням не нужно говорить. Генри нашел способ разом нейтрализовать эффект идейного заражения. Я уже попросил Сиятельного встретиться с ним.

Хейтен вопросительно посмотрел на Лукаса.

— Джон, не смотри на меня так. Генри я сказал то же самое. Если он поднимет на Сиятельного руку, я сам посажу его обратно в инвалидное кресло.

Когда медик вернулся на тренировочный плац, майор снова начал говорить сам с собой.

— Это неправильно. Вся эта ситуация до конца неправильна.

Было в разговоре что-то, не укладывавшееся в общую картину. Нечто крайне странное и неприятное. Лукас чувствовал это, но не мог понять, что именно привлекло его внимание.

***

31-е сутки после Точки Ноль / Спустя 108 дней после событий на стадионе «Гнездо»

Сухое хранилище Юкка Маунтин, рабочий цех.

Добро можно делать по-разному. Когда у меня начали скапливаться избытки Очков сущности, я начал ставить дополнительные расщепители и модификации на них. Подумал, что если просто переработаю все доступное мне отработанное ядерное топливо, тоже сделаю добро, даже если буду потом продавать картриджи. У переполненных мокрых хранилищ появится возможность разгрузить свои бассейны, снизив риск возникновения экологической

катастрофы.

Под это дело я активировал десять агентов, заранее предупредив, что работать придется в очень изолированном месте за хорошую плату. Когда речь зашла о том, что мы будем перерабатывать отходы ядерной промышленности, сокращая срок их утилизации на более чем пятьдесят лет, лица агентов стали куда более оптимистичными. Раздал по костюму с защитой от радиации, ручные гравиподъемники и объяснил на пальцах, как работать с расщепителем. Показал на счетчике Гейгера, что их жизни ничего не угрожает. И что результаты нашей работы сами по себе безвредны.

Тридцать огромных расщепителей за пять дней работы при помощи десяти людей сделали то, на что я не смел надеяться до начала работы. Мы переработали 23 000 тонн металла, зачистив весь первый ярус хранилища Юкка Маунтин. Я несколько раз летал по горам, пряча в тайниках скопившиеся картриджи. Не на продажу, а на хранение. Если все это раздать по заказам, мне от количества Очков сущности на балансе станет смертельно плохо. Даже сейчас жар такой, что работники дольше часа не могли находиться со мной в одном помещении.

На шестой день пришло сообщение от Лукаса Пейджа. Он просил встретиться с Генри в его резиденции в Сиэтле. Был какой-то очень важный разговор, касающийся мирного добровольного сотрудничества с объединением Дайс (Игральные кости). Эти парни готовы были взять на себя вопрос массового лечения всех желающих на тех же условиях, на которых сам Генри больше не мог. Он выступал посредником в переговорах между нами. Со стороны объединения Дайс придут пять человек.

Вернув работников в город, сам слетал в пригород, где можно спрятать аэрокар и поесть в придорожном кафе. Заказал яичницу с беконом, тосты и чай, отказавшись от той дряни, что тут называют кофе.

Сидел, никого не трогал. Смотрел на фотку, присланную родителями. На ней моя мама вместе с мамой Ричарда около церкви раздавали испеченные сладости. На обеих фартуки с эмблемой пекарни недалеко от Монастыря Ангелов. У взрослых контакт потихоньку налаживался.

За барную стойку кафе присела парочка странных мужчин. Один полуголый, весь в наколках, с загаром уличного механика, не знавшего, что такое верхняя одежда. Волосы на голове по бокам коротко подстрижены, по центру — распавшийся ирокез грязных сальных волос. Его... э-э-э, собеседник выглядел неряшливым, длинноволосым, толстым хиппи, одетым в хендмейд от бабушки, пережившей семидесятые. Оба смотрели телевизор над барной стойкой, говоря какую-то белиберду.

— На какой он стадии? Сначала шок и отрицание. Воистину человек удивителен! Смотри, как хитро быстро он адаптировался к шоковому состоянию, сделав его частью своего поведения.

Матч-пойнт! Они смотрели трансляцию бейсбола. Высшая лига, четверть финал. Хиппи кивнул.

— Дело не в стадии, а в отказе от самого отрицания. Жить в шоке, чтобы преодолеть шок. Это часть его натуры, привитая с детства.

Питчер бросил, и бэттер сделал хоум-ран. Раннеры отправились на пробежку.

— Ого! Он принял на себя всю возможную вину, полностью отказавшись от злости, обратив ее эффект в сожаления. Подавил саморазрушение, превратил эффект противодействия в силу, движущую его вперед.

Защитник бежал на вторую базу, совершил бросок мяча кэтчеру, и им удалось удержать ситуацию под контролем. Хиппи молчал. Грязный ирокез оторвал взгляд от экрана.

— Изящное решение! Он принял стадию торга, уйдя в нее с головой. Как бы говоря, «если я буду делать так, то обрету прощение». Вместо депрессии — приступ трудоголизма, граничащий с саморазрушением. Отказ от себя в пользу других.

— Согласен. Перешагивает пропасть, будто ее и не было.

На экране команды защитников и нападающих поменялись местами. Теперь мяч бросали те, кто до этого отбивал. Девятый иннинг, финал игры и шанс пробиться в полуфинал. У всех, кто смотрел телевизор, нервы натянуты до предела. Я же глядел на странную парочку и понимал, что они говорят совсем не об игре.

Ирокез молчал, хиппи чего-то ждал, глядя не моргая на экран. А я так и застыл с тостом у рта. И? К чему все это было?

— Принятие? — Хиппи.

— Скорее принятие или смерть.

— Шок и отрицание, злость и вина, торг, депрессия и, наконец, принятие.

— Или смерть.

Я не выдержал и подошел.

— Извините?

— ИЗВИНЯЕМ. — Хором ответили все, кто был в кафе, разом уставившись на меня.

Страшно. В возникшей тишине бубнил телевизор, летала муха над столиком, и десятки людей молча смотрели на меня с застывшим на лице выражением ярости и злости. Неизвестное? Бежать! Я рванул к двери, буквально снес ее плечом. Несколько человек снаружи смотрели на меня точно так же как и те, кто был внутри.

Я на всех парах помчался к аэрокару. Прямо на бегу дал команду открыть задний люк, запрыгнул в него и сразу закрыл. Десяток людей, стоящих около кафе, все с тем же выражением ярости и злости смотрели мне вслед. Это что вообще за хрень?! Что сейчас произошло?

Руки тряслись от избытка адреналина. Давно мне не было так страшно. Взлетел, включил невидимость и стал наблюдать за кафе. Люди еще несколько минут смотрели на место, где я исчез из поля видимости, после чего разошлись по своим делам. На моих глазах мужчина, стоящий снаружи около машины, застыл в одной позе. Затем второй и третий. Когда все разошлись по своим местам, жизнь будто вновь вошла в привычную колею. Люди двигались как люди, а не насекомые, управляемые коллективным разумом. Не знаю, что это было, но я теперь без брони и станера на улицу выходить не буду. Это не один человек, а целая толпа с непонятными намерениями.

Вернулся к себе на базу. Сегодня была запланирована встреча с Генри. Оделся так же, как при первом посещении Саманты, теперь уже Армстронг. Два силовых поля, восемь дронов, скрытая броня и стелс-костюм. В качестве крайней меры защиты — две сплит-системы пульсаров.

Пульсар-фокус и пульсар-область.

Подлетая к дому Генри, сделал круг, проверяя окрестности на предмет возможной засады. Руки все еще тряслись после странной встречи. Это не было нормально! Люди так не двигаются! Синхронно, спланированно, словно ими всеми управляло одно существо. Страшно до жути. Так, сейчас не до этого. Надо собрать мысли в кучу. Радар — никого. Вообще никого! Будь ловушка простой, я бы сразу смог их заметить или как минимум выманить. Аэрокар — это не часы. Его можно спрятать от глаз, но не от простого дрона-разведчика.

Зависнув над крышей, прислушался к собственным ощущениям. Их в доме и впрямь пятеро. Причем само это присутствие я почувствовал уже давно. Как необычно?! Эти CARD-пользователи отличаются от всех встреченных мной ранее.

Только сейчас понял, что тех людей в кафе я никак по-особому не чувствовал. Но это точно не были обычные люди. Что там вообще произошло?!

***

31-е сутки после Точки Ноль. То же время / Спустя 108 дней после событий на стадионе «Гнездо»

Город Сиэтл, штат Вашингтон. Резиденция Генри Элдриджа

Когда назначенное время наступило, Сиятельный не появился. Обстановка в кабинете не располагала к расслабленному общению. Пять вооруженных представителей «Храма Душ» хранили молчание, будто именно такого развития событий и ожидали. Генри начал нервничать даже больше, чем за все последние две недели вместе взятые. Ставки так высоки, что его смерть не была бы чем-то удивительным, пожелай Сиятельный неожиданно прервать общение. Однако гости начали вести себя странно. С разницей в несколько секунд они все повернули головы в одну сторону, будто смотрели куда-то вдаль сквозь стены. Потом стали водить взглядом по комнате, делая это синхронно, словно видели то, чего не видел сам Генри. Он огляделся и не заметил ничего необычного.

Энитан, сидевший без маски, покрутил головой влево-вправо, разгоняя кровь. Вся пятерка начала приводить себя в форму, разминая руки и ноги. Организованно проверили бронекостюмы друг друга. Постучали по батареям, проверяя соединения на контактах экзоскелетного усиления. Попрыгали на месте, молча обмениваясь знаком поднятого вверх большого пальца. Глаза Генри, двадцать лет жившего армией, видели перед собой сработавшуюся пятерку бойцов как минимум уровня спецназа. CARD-пользователи в лучшей из доступных экипировок с хорошими навыками ведения боя с самым передовым автоматическим оружием.

— Эй, парни, полегче! Вы обещали мирные переговоры.

Энитан, единственный оставшийся без маски, ответил за всех.

— Мы не отказываемся от своих слов, мистер Элдридж. Ваш гость сделал три круга в небе вокруг вашего дома, проверяя наличие засады. Он знает, что мы здесь. Знает, сколько нас. Кстати, сколько заданий вы для него выполнили?

Генри задумался, вспоминая итоговую статистику.

— Четыреста тридцать семь, плюс-минус.

— Старые боги! Сколько же Очков сущности вы через него пропустили, чтобы превратить в такое?

— В какое? О чем вообще речь?

Энитан перезарядил страшного вида винтовку с выражением легкого беспокойства. Оружие он убрал за спину, а не в браслеты, что было странно.

— Так сколько, Генри?

— Не знаю. Может быть, тысячи четыре или пять. Что-то близкое к этой цифре.

Кто-то из бойцов пробормотал сквозь маску:

— Господи! Пять тысяч Очков сущности.

— Может быть, и четыре, — поправил Генри.

— Да тут как минимум пять! В этом парне хоть что-то осталось от начальной личности? Какого же монстра вы так старательно взращивали, доктор? Только бы у него спецрасширения не было.

— Не сглазь. — Энитан дал команду убрать оружие. — Ведем мирные переговоры. Никакого оружия без прямой угрозы жизни. Мы дали слово не применять силу без надобности. Задача — контакт и сотрудничество.

Гигант ткнул пальцем в бойца.

— Восемь-три, прикрываешь двери.

— Принял, Пять-пять.

Это был тот самый болтун. Энитан указал на хозяина кабинета.

— Семь-семь, на тебе окно и защита мистера Элдриджа. У тебя больше всех опыта в охране цели.

— Принял, Пять-пять.

Генри помнил этого человека. Пигмей, еще один темнокожий представитель «Храма Душ». Он был ростом всего в полтора метра, едва доставая самому Генри до плеч.

Кивнув в сторону третьего бойца, гигант указал на место около камина.

— Семнадцатый, на тебе контроль комнаты.

— Принял, Пять-пять.

Четвертая фигура была одета в нечто совсем уж боевое, больше похожее на тяжело бронированного пехотинца с толстой защитой, закрывающей все тело. Даже без минигана в руках он производил впечатление солдата для массовых зачисток. За все время знакомства с представителями «Храма Душ» этот боец ни разу не проронил ни слова. Он и маску никогда не снимал.

— Десятый. Просто стой и привлекай к себе внимание. Если наш гость задумал недоброе, первым он атакует тебя.

Боец чуть слышно вздохнул.

— Знаю, как всегда. Тебе достается все самое сложное. Такова участь столпа «Храма».

Гость не торопился появляться. Не считая Генри, все присутствующие точно знали его нынешнее местоположение. Вот они посмотрели в сторону заднего хода, и сам хозяин кабинета увидел с помощью камер, как дымится замок запертой двери. Гость поднялся по лестнице, и взгляды следовали за ним. «Они чувствуют друг друга», — понял Генри. Раньше их поведение можно было списать на доклады разведчиков, но внутри помещения такой фокус сложно проверить.

Как он и думал, Сиятельный вновь пришел в костюме, скрывающем его лицо. Генри сидел за своим столом. Бойцы никак не отреагировали. Энитан указал рукой на свободный диван напротив себя.

— Прошу за стол переговоров.

Сев напротив гиганта, гость не торопился начать разговор. Генри никак не мог понять, почему все эти типы так любят молчать?! Взгляд упал на стакан с виски, стенки которого начали запотевать. Дрянной алкоголь!

Энитан расселся на двухместном диване, как на персональном кресле. Размеров мебели как раз хватало под его габариты.

— Жарко, да?! Холодная ванна не охлаждает. Кока-кола со льдом не дает прохлады. Тело будто постоянно поддерживает одну и ту же температуру, что бы ты ни делал. Так бывает, когда...

— Мы с вами случайно не знакомы?

— Нет, это наша первая встреча. Я знаю в лицо всех известных Дарителей в мире. Кроме вас, конечно.

— Странно, у меня такое чувство, что я знакомого увидел. Может, что-то напутал?

Гость взглянул на коротышку возле Генри. На молчаливого стража в центре комнаты. Обернулся, желая увидеть человека у входных дверей. Повернул голову и посмотрел на последнего, стоящего у камина. Взгляд задержался на секунду, и наконец он ровно сел перед Энитаном.

— Значит, вы хотите, чтобы я инициировал агентов, дал им свое оборудование и получал за это каждое пятое Очко сущности, которые будет получено после переработки. Те же условия, что и при сотрудничестве с компанией мистера Элдриджа. Боюсь, так не получится. Я уже активировал всех спящих агентов.

Сам Генри в этот момент понял странную вещь. Оба пользователя старались называть его мистером Элдриджем, обращаясь в третьем лице.

— М-да. Плохо. Вам же была доступна почти тысяча?! Неужто и впрямь нашли столько согласившихся людей?!

Гость на секунду взглянул на Генри, а потом повернул голову в сторону бойца, стоявшего у камина. Человек в экзодоспехе также смотрел на Сиятельного с неким любопытством. Он сам подошел к диванам.

— Сэр, можно взглянуть на ваше лицо? Возможно, мы и впрямь знакомы.

Сиятельный покачал головой.

— Я уверен, что мы знакомы!

Энитан резко встал и указал рукой на камин.

— Марк, встать на место! Сейчас же!

— Энитан, у меня ощущение, что я знаю его. Никогда такого не чувствовал.

— Сейчас же! Займи чертово место!

Когда все вернулись на свои места, гигант сел на диван и отпил воды из стакана. В комнате с каждой секундой усиливалась жара. Сколько времени прошло? Минута? Единственный, кто не страдал от этого, сейчас молча сидел перед Энитаном.

Гость, не обращая внимания на странное поведение столпа «Храма», обратился к хозяину кабинета.

— Лукас сказал, ты недоволен нашим сотрудничеством. Зачем ты тогда спасал людей?

В этот момент злость, копившаяся две недели, выплеснулась наружу.

— Все из-за твоих чертовых идей, спаситель хренов! Доволен?! Эти люди рассказали мне, что ты, сам того не подозревая, заражаешь людей своим желанием спасти всех, когда передаешь кусочек своей сущности. Ты как чертов вирус! Я уже получил подтверждение их словам. Всем словам! Чем взрослее человек, тем сильнее убеждение. Чем ближе агент к началу цепи, тем сильнее воздействие. Сейчас ни одна из твоих пешек не верна тебе так, как были верны мы. Слишком велико размытие твоей изначальной сущности. Ты ничего не знаешь о браслете, которым обладаешь. Помогаешь другим? Сиятельный, ты рвешь собственную душу на части, медленно подыхая, как те, кого ты пытаешься спасти.

Гость кивнул, словно несколько не удивился вспышке гнева.

— Хороший ответ, мистер Элдридж. Я знаю, мне недолго осталось жить. Вы же на это намекаете?

— Именно! Ты убиваешь сам себя, пользуясь браслетом.

— На дне рождения родителей я не смог ощутить вкус торта, который они приготовили.

Энитан встрепенулся.

— Сладкий был, наверное... Мне стали безразличны люди, секс, деньги и вообще любые проявления симпатии или привязанности. Я даже злюсь на вас всех с трудом. Интересней другое. Я заметил, что осознанно лезу в те места, которых здоровый человек старается избегать. Хосписы, реанимационные отделения, палаты с изувеченными, кабинеты старых военных. Я будто питаюсь чувством смерти, пропитавшим стены таких заведений. Один из

врачей хосписа сказал, что его прошиб холодный пот, когда он услышал счастливый смех своего пациента. Понимаете, мистер Элдридж? Может быть, я и умираю, но при этом я поглощаю всю ту злобу, обреченность, горечь несправедливости, которую этот засранец, господь бог, щедро разбросал по планете.

— Хм. — Генри нравилась дерзость услышанного. — Хочешь сказать, что ты лекарство от горя?

— Естественный антивирус. Сострадание, безвозмездная помощь, пилюля, растворяющаяся по мере использования. Разве одна моя жизнь стоит тех тысяч, которых спасли благодаря мне?

— В тебе нет здорового эгоизма, юноша! Это все вина выжившего, а не твои собственные желания.

— Господа, — вмешался Энитан. — Мы пришли на переговоры не для того, чтобы слушать ваши разбирательства.

Генри, сидя в кожаном кресле, повернулся к окну, не желая видеть то, что будет дальше. А за окном уже наступила ночь! Рядом стоящий коротышка в экзодоспехе показал ему большой палец, показывая поддержку его точки зрения. От диванов для гостей его отделял массивный стол из дерева.

— Как я и сказал ранее, я не злюсь на вас. Генри не сказал, из какого вы объединения.

Гигант, сидящий напротив, кивнул, но не понял, к чему была первая часть сказанного.

— Дайс, объединение пользователей из Соединенных Штатов.

— Давно существуете?

— Шесть месяцев.

— Вот оно как. Странно, что о вас никто не слышал в наших краях. Недавно я узнал о волне убийств бывших военных, прокатившейся по стране. Речь о сотнях погибших. Преимущественно недееспособные. Власти умалчивают об этом, опасаясь хаоса. Вам об этом что-нибудь известно?

— Самую малость. Мир сейчас — беспокойное место.

Генри развернулся в кресле к говорившим, напрягся, но спрашивать не стал. Его уже месяц таскали по судам. Сиятельный продолжил.

— Примерно три недели назад в лесах Аляски местные егери нашли четыре изуродованных трупа. Дикая звери постарались. Плюс множественные колотые ранения. У двоих на руках остались следы, будто они носили браслеты. У двух других были ранения от пуль и явное истощение. Выглядело так, будто заложники с самодельными заточками напали на захватчиков и убили их, сами при этом умерев. Но там был выживший! Девушка, находившаяся на стороне заложников.

— Как интересно! Пользователь, рожденный в крови и друзей, и врагов. Вы с ней познакомились?

— Нет, просто тянул время, пытаюсь уложить мысли. — Сиятельный повернул голову к парню, стоящему у камина. — Я знаком всего с тремя пользователями браслетов. Первый был моим

наставником. Но у тебя другая фигура. Второй пользователь — женщина, и у нее другой рост. А третий хотел меня убить.

За секунду все пятеро выхватили оружие. Энитан достал его из-за спины, а не из хранилища, как остальные бойцы. Гость, доведя ситуацию до точки невозврата, обратился к хозяину кабинета.

— Ты теперь работаешь на «Храм Душ»? Ты понимаешь, что предал все, ради чего мы работали последние три месяца?

— Энитан, он выживший со стадиона! — сказал боец у камина.

— Их миссия важнее, чем твоя жажда мести. Кто у тебя умер? Брат? Сестра? Друзья по колледжу? «Храм» даст будущее этой стране, о котором другие и не мечтают! Разве стоит жизнь одного человека судьбы целого государства?! Я выбрал будущее для народа!

— Нет, ты выбрал хорошее будущее для себя.

— Он тот парень, с которого я снял ошейник!

— Всем молчать!

— Ценой будущего, которое «Храм Душ» забрал у других.

Первую пулю выпустил боец, стоявший у камина. Она увязла в силовом куполе, вспыхнувшем вокруг Сиятельного. Тот покачнулся, выровнялся и резко встал с места, провоцируя стрельбу трех других бойцов. Стрельба из автоматического оружия почти в упор с четырех сторон не оставляла шансов на выживание. За несколько секунд в силовом куполе увязли десятки пуль.

— Не стрелять! Захват! Захват, вашу мать! — орал Энитан, ловко надевая защитную маску.

Тяжелый пехотинец зарычал и бросился на силовой щит Сиятельного, буквально припечатав его к стене с камином. Но щит не рухнул!

— Ар-р! — Пехотинец взмахнул рукой в бронированной перчатке со странным устройством на запястье. В момент удара о поверхность щита оно, как отбойный молоток, усиленный в сотни раз, врезалось в купол, пробивая его насквозь.

По инерции пехотинец начал заваливаться вперед, а Сиятельный, уклонившись от опасной руки, приставил к его боку пульсар.

— Пульсар-фокус.

Массивную фигуру тяжелого пехотинца вместе с остатками столика бросило в стену. На долю секунды в комнате исказилась гравитация. Упали картины со стен, стакан с дешевым виски, диваны, скрипя по полу, разъехались в стороны. Резко открыла огонь оставшаяся троица бойцов. Энитан достал автоматическую винтовку с пулеметной обоймой.

— Сдайся, Сиятельный! Тебе некуда бежать. Дом окружен спецназом.

— Щиты! Динамический авторежим.

Погасшее второе силовое поле сменили два летающих щита, прикрывавшие Сиятельного от стрелков. Карлик, стоящий около Генри, бросил в воздух гранату.

— Подавление!

— Пульсар-фокус.

Рука, выглянувшая из-за щитов, почти в упор выстрелила в Марка, стоящего ближе всего к Сиятельному. Треск! Тело бойца в экзоспехе вместе с частью стены продавило вниз, на первый этаж, направленным гравитационным ударом. Стакан на столе Генри снова сдвинулся вбок. Граната, ударившись о щит, зависла в воздухе, после чего выпустила белую вспышку, погрузив мир в монохромные черно-белые цвета.

— Нет подавления! Противник защищен!

Не сработало подавление электроники. Пропал эффект стелса на Сиятельном. Проявилось восемь дронов, летавших под потолком.

— Перейти на разрывные! Целься в дронов в первую очередь.

Первый же залп из подствольника попал в меддрона, и тот рухнул на пол. Граната подавления все еще висела в воздухе.

— Помощник №1 и №2, сплит-режим над дополнительными слотами на оружие в левой руке. Режим конуса.

Стрельба коротышки и Энитана дала результат. От одного из летающих щитов отвалился солидный кусок стали, снизив площадь прикрытия. Генри видел, как три пули по касательной прошли по одежде Сиятельного, прежде чем тот сместился в укрытие.

— Пульсар — двойной фокус.

Треск ломающихся стен. Боец, стоявший у входной двери, вместе с косяком вылетел в коридор. Обрушилась часть пола, вырвало с гвоздями деревянный паркет, диваны дернулись в сторону новой дыры в стене. Генри вместе с креслом двинулся в сторону локально изменившейся гравитации.

— Десятый! Подъем! Сдвинь его щиты. Захват! Захват цели, черт возьми!

Тяжелый пехотинец поднялся с пола. В этот момент Сиятельный достал из хранилища еще два дрона-помощника. Энитан заорал.

— Огонь по дронам! Остальные — огонь по дронам!

— Режим сплит-сплит-системы между всеми дополнительными слотами с оружием в левой руке. Конусное воздействие.

Откуда-то снизу, куда улетел Марк, раздалась очередь, попавшая в левый бок Сиятельного. Тот сразу направил на него оружие.

— Пульсар-квардрофокус.

На мгновение все вещи в комнате стали тяжелее. Ноги бойцов подкосились. Второй, третий выстрел. Люди никак не могли нормально прицелиться. Натужно скрипел пол. Вместе с куском стены от случайного срабатывания взорвалась заложенная взрывчатка. Вместе с грохотом тяжелый пехотинец накинута на щиты Сиятельного. Коротышка кинул еще одну гранату.

— Биоподавление!

Граната пролетела, но так и не сработала.

— Защита от биоподавления! Сбейте этого дрона защиты!

Крепко схватившись руками за летающий щит, тяжелый пехотинец отбросил его в сторону, выводя дрона-щитоносца из строя. Сиятельный укрылся от огня оставшимся огрызком второго щита, наставив оружие на развернувшегося к нему молчаливого бойца.

— Пульсар-квардрофокус.

Тяжелое тело вместе с солидным куском стены просто сорвало с места, выбрасывая наружу с высоты второго этажа. Сработали еще две закладки взрывчатки, сбивая всех активных бойцов с ног. Вокруг Генри и коротышки вспыхнул силовой купол, а секундой позже проявился сам дрон-щитоносец.

— Вип под охраной! Открываю огонь по цели.

Оставшийся щит Сиятельного ловко прикрывал его от огня коротышки и Энитана, единственных оставшихся в строю бойцов. Генри начал вставать с кресла, когда из-за щита Сиятельного выглянула рука.

— Пульсар-квардрофокус.

Стол вместе с кожаным креслом, в котором оставался хозяин кабинета, откинуло к стене. Генри почувствовал неприятный, глухой, почти забытый хруст собственных костей и чувство сильного, рвущего плоть, сдавливания в поясе.

Треснули несущие перекрытия, лопнули стекла в окнах. Генри вместе с телохранителем и куском стены выбросило наружу с высоты второго этажа. Сработали еще две закладки взрывчатки, но ударная волна из сжатого воздуха и пламени пошла уже наружу в сторону выпадающих людей.

***

31-е сутки после Точки Ноль. То же время / Спустя 108 дней после событий на стадионе «Гнездо»

Остатки кабинета Генри Элдриджа. Частная резиденция, окруженная бойцами спецназа

В руинах комнаты остались только Сиятельный и Энитан. Дверь вместе с частью стены и пола выломана, не оставляя шансов сбежать. Камин с треском обрушился в дыру, увлекая за собой кусок еще одной стены. Место, где сидел хозяин кабинета, вместе со столом, креслом и половиной стены вообще отсутствовало. Пострадала и четвертая стена от взрыва и брошенного в нее тяжелого пехотинца. Целая часть огромного дома находилась на грани обрушения.

— Самое время для пафосных речей, парнишка. Это ты выжил на стадионе! Это твою кармическую связь с Марком я чувствовал все это время. Столп, питающийся душами жертв, и его противоположность, питающаяся спасением и саморазрушением. Каннибализм против жертвенности. Надо сказать, твое прозвище тебе подходит.

Выстрел Сиятельного скользнул по броне Энитана, снеся стену позади. Еще один взрыв. Но

сам настоятель «Храма Душ» даже не дрогнул. Сверху посыпалась черепица.

— Броня Правителя, четвертый гибридный технологический уровень. Ни пули, ни взрывы, ни твоя чертова гравитация мне не страшны. Правители слишком ценны для системы, чтобы она могла нас так просто потерять.

— Смена режима. Воздействие по области.

— Что ты там лопочешь?

Сам Сиятельный стоял, укрывшись за куском щита в половину человеческого роста, от которого с каждым выстрелом отваливалось все больше кусков. Он сел поудобнее и, высунувшись, выстрелил. Этот момент подгадал и Энитан, попав из автоматической винтовки в руку и голову Сиятельного.

Треск перекрытий в этот раз сопровождался разрушением всего второго этажа и крыши над ними. Оба выживших человека попали под завалы. Рухнуло целое крыло дома Элдриджа, подняв облако пыли.

Спустя минуту одна из куч обломков будто взорвалась, выбрасывая куски дерева в разные стороны. Рядом с ней из-под перекрытий весь в пыли выбирался гигант. Он пытался отдышаться, прийти в себя. Сиятельный выглядел намного хуже. Три пули в спине и плече от Марка. В левую руку и голову попал Энитан, задев, но не убив. Последняя пуля прошла по касательной. Сильнее всего пострадала правая рука во время падения. Трещина в костях?! Он едва мог сжать пальцы в кулак.

— Ты уже одной ногой в могиле, а все дергаешься.

Настоятель Храма чувствовал боль во всем теле. Падение, это падение. Его собственный вес внутри доспеха сыграл против него.

— Моя жизнь... больше не принадлежит мне. Ни плоть, ни кровь, ни кости.

— Упертый идиот! — Энитан едва чувствовал травмированное колено. Через пару минут он не сможет им пошевелить. — Мы служим великой цели — спасти человечество! Ты знал, кто в ответе за стадион?

Сиятельный наклонился так, что стало видно, как из маски стелс-костюма начала капать кровь. Внутреннее кровотечение. Одна из пуль, попавших в спину, пробила легкое.

— Рак — это когда твой организм перестает узнавать самого себя.

Энитан приготовился к атаке. Оружие он потерял под завалами.

— Я решил простить этот мир даже за такие ошибки, как ваше существование. Потому что страна... это люди. А не те, кто манипулирует общественным мнением.

— А-а-а!

Гигант рванул в сторону Сиятельного. Колено отдавало болью при каждом шаге. Противник неуклюже уклонился, уходя из захвата. На обломках дома сражались из последних сил оставшиеся на ногах люди. Ночь, сирены вдали. Часть дома горела. Где-то поблизости раздавались крики придавленных людей.

Энитан сделал финт правой рукой, заставляя противника отклониться в нужную сторону, и тут же нанес удар левой, перегружая травмированное колено. Сиятельного отбросило в сторону, но он нашел в себе силы подняться на ноги. А Энитан, стоя на одном колене, больше не мог двигаться. Он порвал коленные связки, и теперь только маска доспеха правителя скрывала его скорченное от боли лицо.

— Ар-р-р! Чертова гравитация! Как ни стыдно это признавать, у нас ничья. Ты не можешь меня убить...

— Как и ты меня...

Сиятельный шел, качаясь из стороны в сторону, но та самая потеря чувствительности сейчас держала его на ногах. Уцелевшей рукой он поднял с земли кусок щита, ставя боком то, что осталось от дрона-щитоносца. Направил на него пульсар и выстрелил в упор.

Тяжелый кусок металла сбил гиганта с ног.

— Гравитация... как же меня бесит эта чертова гравитация.

— Ах-х...

В этот момент сработала взрывчатка, заложенная в остальных уголках дома, окончательно разрушая резиденцию Генри Элдриджа. Старый вояка использовал напалм для усиления поражающего эффекта. Здание рушилось, разваливаясь на части. Со стороны ворот были слышны крики спецназа. Даже их огнеупорная одежда вспыхнула от разгоревшегося пожара. Бегали люди, объятые пламенем. Четверке бойцов «Храма» удалось найти путь сквозь горящие завалы.

Мужчина и женщина в бронежилете с надписью АНБ в сопровождении пары спецназовцев окружили Сиятельного и Энитана.

— Никому не двигаться! Я агент АНБ Ноэми Торес. Все присутствующие арестованы по подозрению в причастности к деятельности террористической организации «Храм Душ». А также в связи со взрывом и пожаром на территории дома Генри Элдриджа. Все сказанное вами может быть использовано против вас в суде! Прайс, прикрой меня.

Женщина собиралась надеть наручники. Сиятельный указал своим оружием на Энитана. Торес остановилась.

— Сэр, опустите оружие!

— Этот мужчина — один из лидеров «Храма Душ». Я — тот, кого вы прозвали Сиятельным.

— Я сказала, опустите оружие! Прайс, прикрой меня.

Девушка начала подходить, когда сзади раздались выстрелы. Первый, второй. Когда Торес развернулась, дуло дробовика Шона Прайса уперлось ей в грудь. Шок, секундное промедление — и третий выстрел пробил ее бронежилет насквозь. Рядом на землю упали тела спецназовцев с простреленными головами.

Прайс затравленным взглядом смотрел на Сиятельного. Дробовик был теперь направлен на него.

— Опустим ствол! Я сказал: живо опустим ствол!

Шон выстрелил, но промахнулся от волнения. Он только что убил напарника, с которым служил шесть лет. Энитан не дергался, так как понимал, что это и есть его прикрытие от Организации. Сиятельный тем не менее выбросил оружие, посчитав выстрел за предупредительный.

— Руки за голову! Живо! Спиной ко мне.

— У меня травмированы обе руки.

— А мне плевать! Руки за голову!

Видя, как Сиятельный закладывает руки за голову, Энитан закричал:

— У него браслет!

Сиятельный успел достать какое-то оружие из личного хранилища. Секундная потеря бдительности — и Прайс выстрелил, попав в правое плечо противника, тут же сам получив разряд от электрошокера в незащищенную шею.

Оба упали на землю. Тело Прайса тряслось, он стучал ногами по куску черепицы, постоянно нажимая на спусковой крючок. Сиятельный кое-как поднялся на четвереньки.

— Щит кармы... вот как тебе удавалось выживать!

Из личного хранилища Сиятельный вытащил медицинский дрон, запрограммированный всего одним патрончиком. Учитывая, что раньше в нем хранился еще и щитоносец, больше в него было нереально уместить. Но что странно, меддрон полетел не к Сиятельному, а к девушке с простреленной насквозь грудью. Диагностика, укол в шею и отлетел обратно к хозяину. Энитан повернул голову в сторону Сиятельного. Тот уже пошел прочь.

Энитану надо было задержать противника еще хотя бы на минуту, и подмога подоспела бы. Стелс у противника выгорел. Дронов нет. На теле живого места не осталось. Одна минута!

— Еще шаг — и я выстрелю тебе в спину.

— Чем? Словом? У тебя нет хранилища, Энитан. Это стало понятно, когда ты пошел рукопашную.

Спустя пару минут подоспела подмога, и Энитана вместе со столпами «Храма», выкопанными из-под завалов, эвакуировали. Следов Сиятельного так и не обнаружили.

<http://tl.rulate.ru/book/23365/482823>